

Г.Ф. Соловьева

**МАТЕРИАЛЫ О ЛЮТЕРАНСКИХ ПРИХОДАХ
ВЫБОРГСКОЙ ГУБЕРНИИ 30–40-х гг. XVIII в.
В АРХИВЕ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ**

Историю Выборгской губернии невозможно изучать, не учитывая конфессиональную принадлежность населения, которое в подавляющем большинстве было лютеранским. В XVIII в. на территории губернии располагались 46 лютеранских приходов, образованных (за исключением трех из них) еще в то время, когда эти земли принадлежали Швеции.

В Российском государственном историческом архиве, в фондах канцелярии Синода и Александро-Невской лавры, имеются документальные материалы, свидетельствующие о жизни лютеранских приходов Выборгской губернии XVIII в. Поскольку о документах Синода опубликована отдельная статья¹, настоящий доклад посвящен описанию материалов архива Александро-Невской лавры (фонд 815). В качестве источника по истории лютеранской церкви материалы этого фонда рассматриваются впервые.

30 марта 1732 г. в канцелярию Синода поступило «доношение» из канцелярии Троицкого Александро-Невского монастыря² по делу пастора Имбилакского погоста, «не бывшего у присяги», где говорилось, что монастырь является владельцем Сердобольской вотчины, куда входил и Имбилакский погост. Этот документ послужил отправной точкой для дальнейших исследований, в ходе которых выяснилось, что расположенный в Кексгольмском уезде Сердобольский погост «с деревнями и со всеми к ним принадлежностями» был отдан Александро-Невскому монастырю в числе других имений, вместо взятых у него «к Троицкому Сергиеву монастырю вотчин», по указу императрицы Анны Иоанновны, данному из Сената 23 октября 1730 г.³ Сердобольский погост принадлежал Александро-Невскому монастырю до 1764 г., когда по указу Екатерины II у монастырей были изъяты все вотчинные владения.

К упомянутому сенатскому указу прилагалась ведомость о количестве дворов и численности населения⁴. По показаниям ведомости, на территории Сердобольского погоста кроме русских крестьян проживали финны, более 1800 человек. Они и составляли два неодинаковых по численности лютеранских прихода — Сердобольский и Имбилакский.

При просмотре описей фонда Александро-Невской лавры были выявлены дела за период с 1733 по 1748 гг., которые по своей тематике имели отношение к истории Сердобольского и Имбилакского лютеранских приходов. Поводом к возникновению их послужили конкретные, зачастую конфликтные ситуации, что обусловило нерегулярный характер и относительную немногочисленность документальных материалов по интересующей нас теме.

Как видно из содержания этих материалов, в числе проблем, которые приходилось решать монастырским властям⁵ относительно подведомственного им лютеранского населения вотчины, были вопросы о назначении пасторов, пасторской земле; различные споры, возникавшие между пастором и вотчинными управителями, пастором и крестьянами.

Монастырское делопроизводство велось по примеру правительственных учреждений. Основанием для начала дела служило доношение или прошение. В зависимости от степени важности его слушали наместник с одним или двумя членами духовного собора (экономом, келарем) или сам настоятель. Затем на основании вынесенного определения или резолюции составлялся исходящий документ (указ, ордер, доношение, протемория).

Обнаруженные в фонде документы о назначении пасторов позволяют внести существенные дополнения к вопросу о практике заполнения вакантных пасторских мест в лютеранских приходах Выборгской губернии и о той роли, какую играли в этом деле владельцы вотчин.

Участие вотчинных владельцев в выборе священников не являлось обязательным с точки зрения законодательства, но продолжалось, вероятно, по обычаю, существовавшему со времен шведского правления, когда «представителями приходов в городах были по большей части магистраты, а в деревнях — поместное дворянство, и решение этих представителей считалось как бы выражением общей воли и потому редко встречало противоречие»⁶.

Дело о назначении пастора Имбилакского прихода И. Гранрота относится к тому периоду, когда управление «иностранными исповеданиями» находилось в ведении православной духовной коллегии — Святейшего Синода. По составу и характеру документов оно сходно с материалами синодального делопроизводства.

В январе 1733 г. студент Иоаннес Гранрот подал прошение настоятелю Александро-Невского монастыря архимандриту Петру о назначении его по приглашению прихожан помощником пастора Имбилакского прихода, чтобы дать «на то милостивое позволительное именное или указ»⁷. По этому прошению собор монастыря вынес определение: «Послать в Кексголь-

мскую того монастыря вотчину Сердобольского погоста к управителю Александру Людвигу указ велеть ему вотчины Александро-Невского монастыря Инбилацкого погосту лютеранской веры всем крестьяном при собрании объявить публично, вышеписанной проситель Иоганнес им для их треб в помоществование пастору Сиге Фронделиусу угоден ли и ежели угоден и от крестьян спору никакова не будет, велеть ему Иоаннесу для отправления при кирке требовать себе позволения откуда надлежит»⁸. В марте 1733 г. Гранрот подал доношение о смерти Фронделиуса и просил назначить его уже не помощником, а пастором по желанию прихожан. Оба прошения кандидата на пасторское место сопровождались подлинными прошениями прихожан, заверенными их подписями. На основании резолюции архимандрита Петра, которая предписывала: «Дать позволение просить ему желаемого места, где надлежит»⁹, Гранрот обратился к выборгскому препозиту Мелартопеусу, однако препозит не решился сразу «определить» его пастором. В доношении от 7 апреля 1733 г. в канцелярию Александро-Невского монастыря он писал, что «оной Гранрот службы пасторской отправлять в существе за младостию своею не может, понеже еще и капланской должности нигде не отправлял, [...] а и для того ево определить я опасен, что оной Гранрот отпущен из стороны ево королевского величества швецкого из Вильманстранда и дан ему пашпорт [...] по возвращении»¹⁰. Мелартопеус представил в канцелярию Александро-Невского монастыря точную копию этого паспорта, «для рассмотрения» и принятия решения, но никакого ответа на это доношение не последовало. Вероятно, Гранроту было предложено представить более надежный документ, так как через три месяца, 3 июля 1733 г., выборгский препозит подал второе доношение, в котором сообщал, что Гранрот «объявил» данный ему другой паспорт, «без возвращения», по которому «определен для отправления духовных дел на урочные годы до определения в действительные пасторы, в чем он [...] в Выбогхе к присяге приведен»¹¹. Подлинная присяга и паспорт Гранрота также были переданы в канцелярию Александро-Невского монастыря.

По существовавшему в то время порядку окончательное решение о назначении пастора принимал Синод, однако в данном случае дело не было представлено на его рассмотрение. Являясь одним из членов Синода, архимандрит Петр принял решение самостоятельно: на основании вынесенного им определения в канцелярии Александро-Невского монастыря был составлен указ «Ее императорского величества», обращенный к управителю Сердобольского погоста Людвигу, о назначении Гранрота пастором¹².

За период, в течение которого Сердобольский погост находился во владении Alexandro-Невского монастыря, в Имбилакском приходе служили, сменяя друг друга, еще три пастора¹³. В Сердобольском приходе после смерти И. Тараниуса, назначенного пастором в 1721 г. указом Синода, служили два пастора¹⁴. Казалось бы, что они также должны были обращаться к монастырской власти (как владельцу вотчины) за разрешением занять освободившееся место. Однако в дальнейшем дело обстояло иначе.

Данный в июле 1734 г. указ Синода изменил порядок назначения пасторов в Выборгской провинции, предоставив право избрания и утверждения духовенства лютеранских приходов преимущественно выборгскому препозиту Мелартопеусу и членам Выборгской консистории. В том же году дела христиан неправославных исповеданий перешли в ведение Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел.

Кандидаты на вакантные пасторские места перестали подавать прошения о своем назначении монастырским властям. Так, о смерти Гранрота и определении на его место другого пастора, Карла Урсинуса, в канцелярии Alexandro-Невского монастыря стало известно только через год после того, как это назначение состоялось. Со слов пришедшего в канцелярию «пастора лютерского закона» 23 апреля 1740 г. было записано, что он, Урсинус, 1 мая 1739 г. определен «в Инбилацкий десяток к финской лютерской кирке [...] по данному ему из Выборгской духовной консистории указу от препозита Мелартопеуса» и теперь приехал в Петербург для ходатайства по делу об отдаче ему во владение бывшей пасторской земли, которое он возбуждал в Сенате. Запись на обороте свидетельствует, что на следующий день Урсинусу был объявлен указ, «дабы он [...] данный ему из Выборгской духовной консистории указ объявил в Невской канцелярии» до 20 мая 1740 г., «а ежели он на тот срок указу не объявит, и за то учинить ему Урсинусу чему он по указам будет подлежать»¹⁵. На этом дело заканчивается.

Документов, свидетельствующих об участии монастыря в определении других пасторов подведомственных им лютеранских приходов, также не было выявлено.

Исключение составляет дело о назначении пастора Сердобольского погоста И. Гофрена. Оно было инициировано доношением управителя Сердобольского погоста И. Климпуевым, поданным 18 мая 1748 г. настоятелю монастыре архиепископу Феодосию, в котором сообщалось о смерти пастора И. Тараниуса и о желании прихожан назначить на его место каплана К. Мелартопеуса, который прослужил в приходе более десяти лет. Свое обращение Климпуев мотивировал следующим образом: «А понеже побли-

зости Сердобольского погоста его рейхсграфского сиятельства Михаила Ларионовича Воронцова в Якимварском погосте по тому ж в прошлом 747 году пастор умер и на место того просителей в пасторы имеется более тридцати человек, хотя из тех некоторых их Выборская консистория и удостоивали, точию прихожане их не желают и о том просили его рейхсграфское сиятельство и по тому прошению чрез рекомендацию его сиятельства еще никто из Юстиц-коллегии не определен, пока его сиятельство по рассмотрению своему не сыщет [...] Того ради меня просили о том к вашему преосвященству прошением отписать, дабы ваше преосвященство, когда от них выбор при прошении к вашему преосвященству послан будет, тогда ваше преосвященство милостивым своим архипастырским благорассмотрением рекомендацию имели чрез посланного от вашего преосвященства в Юстиц-коллегии, ибо под ведением той коллегии Выборская консистория, дабы предпомянутый каплан в пасторы был произведен»¹⁶. Вскоре в канцелярию Александро-Невского монастыря было подано и прошение прихожан («выбор»), подписанное «кирочным» старостой, мещанами и крестьянами Сердобольского погоста (всего более 68 подписей), в котором они подтверждали, что желают иметь у себя пастором Мелартопеуса и просили сообщить о своем выборе в «главную их духовную команду Государственную юстиц-коллегию лифляндских дел»¹⁷, что, по распоряжению архиепископа Феодосия, и было сделано.

Из дальнейшей переписки по этому вопросу, происходившей между канцелярией Александро-Невского монастыря и Юстиц-коллегией лифляндских и эстляндских дел, а также из ряда доношений управителя видно, что получить назначение на пасторское место без покровительства влиятельных лиц, будь то владельцы вотчины, члены Юстиц-коллегии или консистории, было очень трудно. Монастырские власти хотя и пытались в данном случае действовать по утвердившемуся в предшествующие годы синодальному принципу, когда при назначении пастора решающее значение имел выбор прихожан, однако не проявляли достаточной настойчивости и заинтересованности в вопросе подбора духовных лиц лютеранских приходов, находящихся на территории их вотчинных владений. В итоге был утвержден кандидат, предложенный Юстиц-коллегией, а желание прихожан при этом практически не учитывалось. В промемории от 20 ноября 1749 г., присланной из Юстиц-коллегии в канцелярию Александро-Невского монастыря, в ответ на просьбу отменить принятое решение говорилось: «Понеже выбор Мелартопеуса не в силе церковных уставов произведен, а хотя б и порядочно и в силе показанных уставов приходскими людьми произведен был, но,

несмотря на то, в пасторы его конфирмовать было бы невозможно, а надлежало бы приходским людям быть послушными и довольствоваться тем пастором, которого консистория или Юстиц-коллегия определить в силу уставов заблагорассудили»¹⁸. По мнению Юстиц-коллегии, «показание приходских людей, якобы жития и нрава его, Гоффена, состояния не знают, не такой важности, чтобы его выключить можно было. А им, приходским людям, к познанию его ныне случай подается»¹⁹.

В качестве вотчинного владельца Александро-Невскому монастырю приходилось решать различные имущественные и земельные споры, возникавшие между лютеранским духовенством и крестьянами.

Так, в январе 1734 г. пастор Гранрот подал архимандриту Петру прошение о возвращении имеющейся в Имбилакском погосте земли, которая «при шведском владении определена и отдана пасторам в вечное владение ради их пропитания и жития», а сейчас находится во владении русских крестьян²⁰. Из канцелярии Александро-Невского монастыря управителю Сердобольской вотчины Никите Бегетеву был дан указ «справиться с старожилыми и с записками, какие сыщутся», и «исследовать» обо всем, что касается бывшей пасторской земли, а именно: «при шведском владении в котором году и по какому указу и которому пастору в Имбилацком погосте и колико земли и протчих угодий, и в одном ли месте отдано было ль, и в вечное ли владение или на время, и тоя земля когда у оных пасторов отнята и кем и для чего, и на оной земли кто поселен и ею владеет и давно ль и почему, ныне оную землю ему Гранроту отдать во владение надлежит ли, и буде отдать, то не будет ли монастырским крестьяном какого утеснения и разорения»²¹.

В результате «исследования» со слов «обывателей, старост и старожил» была составлена и прислана в канцелярию Александро-Невского монастыря обстоятельная «сказка», содержащая сведения по истории как лютеранского прихода, так и Кексгольмского уезда в целом²². Например, указывалось место, где при шведском владении проживал пастор: по переписным книгам оно называлось деревней Имбилак, а по «мирскому званию» — Попова Гора. О размерах пасторской земли говорилось, что на ней «засевается ржи вполе по десяти четвертей, а в дву потому ж сена ставится с четыреста копен (в одном месте)». По какому указу эта земля была отдана во владение пастора, крестьяне не знали, но признавали, что «пасторам земля дается во владение с позволения командирского и за честь по обычаю». Пасторский двор был построен «миром, без платежа от пастора». В «сказке» названы имена пасторов: во время шведского влады-

чества в приходе служил пастор Парданус, а после него, во время войны с Россией и до взятия Кексгольма, — Степан Силвейсте. После окончания войны из дворцового Салминского погоста «пришел для служения» Сиго Фронделиус. Указание на то, что кирка была построена с приходом этого пастора, дает возможность определить время постройки, так как по другим источникам известно, что он начал свое служение в приходе в 1722 г. Отмечалось, что Кексгольмский уезд значительно пострадал во время войны («российские жители покиня свои дворы и пожитки опасаясь от воинских людей разорения бежали в российские разные города и жили по разным местам», а «от разорения и от выжегу церквей и кирок и дворов осталось русских и чухон дворов самое малое число, и людей, все выбегли»); говорилось о последующем заселении уезда. По мнению управителя и крестьян, в случае переселения из деревни Имбилак (Поповой Горы), «онные крестьяне могут прийти во всеконечное разорение и нищету»; кроме них пострадают и «старожители» тех деревень, в которые «онные переводные поселены будут, в земле и сенных покосех будет утеснение, и во уравнении их и всем крестьяном помещательство и остановка и затем не без убытка быть может». Значительно сократится и платимый крестьянами объем податей, тем более что «ныне и без того положенных доходов уравнительным збором из года в год исправится не могут, но точию от времени до времени в недоплату приходят и пребезмерной от недороду хлеба голод». Проблема касалась не только живших на Поповой Горе русских крестьян, но и лютеран. Кроме старосты, «сказку» подписали более 60 крестьян, как русских, так и финнов. Интересны значки («пумерки»), которые они ставили напротив своих фамилий²³.

В сопроводительном доношении управителя Сердобольского погоста Бегетева излагались обстоятельства, при которых составлялась «сказка». Обвинение пастора в том, что будто бы управитель взял у крестьян «пумерки», но не объявил, для чего («в какой силе»), по словам управителя, ложно, и крестьяне приняли свое решение вполне сознательно. «Ибо я, — писал Бегетев, — указ прочел на мирском скопе незнающим по-русски чрез перевод и потом спрашивал, на которой указ они мне и сказали против приложенной при сем скаски, в чем и утвердились пумерками и к тому следствию призывал я оного просителя Гранрота [...] неоднократно, но точию он Гранрот учинился незнамо чего ради сердит, и к нам не пошел [...] да и после того чрез краткие дни присылал я на мирской скоп старосту Ребоева и пищика для некоторых публикаций и паки вторительно крестьяном тое скаску толковать по которой и утвердились же при нем пасторе»²⁴. Что касается

пасторской земли, то поскольку не было предъявлено никакого документа, подтверждающего, что деревня Имбилакс отдана лютеранским пасторам «в вечное владение», по определению настоятеля Александро-Невского монастыря архимандрита Петра пастору Гранроту было отказано в его прошении о возвращении этой земли.

Монастырская власть имела право судить всех лиц, подлежащих ведению монастыря, в том числе крестьян и духовенство их вотчин, и по своему усмотрению решало споры. Жалобы, подаваемые в канцелярию Александро-Невского монастыря со стороны крестьян и пасторов, а также доношения вотчинных управителей обычно содержат множество подробностей, характеризующих повседневную жизнь приходской и крестьянской общины. Следует заметить, что жалобы крестьян на пасторов касались исключительно имущественных вопросов. Так, крестьяне Сердобольского погоста жаловались на незаконный захват пастором сенных покосов, насильственный увоз скошенного сена²⁵.

В доношениях вотчинных управителей неоднократно подчеркивался авторитет и влияние пастора на своих прихожан («ибо в здешней земле в вотчинах в пасторах немалая сила, когда доброй, то крестьян от повелений помещиковых и в протчем не развратит, а буде худой, то возмутит»²⁶), которое особенно проявлялось в хозяйственных делах. Например, в одном из доношений говорилось, что если назначался крестьянский сход, «то прежде не быв у него пастора, они, чухны, на сход не бывают», а иногда, побывав у пастора, совсем не идут на сход, отчего происходит «напрасное замедление и в делах помешательство». Так же и при сборе оброка они, посоветовавшись с пастором, «отговариваются неимуществом»²⁷.

Как видно из имеющихся документов, конфликтные ситуации возникали как из-за вмешательства пасторов в хозяйственные дела вотчины, так и вследствие попыток управляющих контролировать выплаты крестьянами повинностей в пользу пасторов. Примером может служить дело о следствии, произведенном по жалобе пастора Гранрота в нанесении ему «обид» управителем Сердобольского погоста И. Великодным²⁸, поданной 20 июня 1737 г. Через несколько дней в канцелярии Александро-Невского монастыря состоялся суд. Точка зрения обеих сторон зафиксирована в протоколах допроса управляющего и поверенного пастора (так как сам пастор плохо говорил по-русски). Из этих показаний видно, в чем заключалась суть конфликта, приведены фактические сведения о порядке уплаты оброка крестьян в пользу пастора («что де они оброк по неравному числу платят пастору и ни по какому указу, но по его пасторскому требованию, что он востребует»),

о размере оброка («с бобыля денег по осьмнадцати копеек в год, а со крестьян и свыше того берет деньгами и хлебом»). Однако разобраться в том, как в действительности обстояло дело и кто был прав, на основании только протоколов допроса очень трудно, поскольку каждый излагал события по-своему, а в качестве свидетелей называл имена одних и тех же крестьян. Неизвестно, как бы разворачивалось следствие и чьи показания были бы признаны более правдивыми. Не дожидаясь окончания дела, пастор и управитель поданным в канцелярию доношением сообщали, что «со всем полюбовно помирились и договорились друг на друга по тому делу нигде не бить челом и не искать»²⁹.

Подводя итог, необходимо отметить, что ценность рассмотренных материалов заключается главным образом в том, что они содержат, кроме фактических сведений по истории лютеранских приходов, множество бытовых подробностей и черт, которые не всегда находили отражение в документах государственных учреждений, и дают редкую возможность хотя бы отчасти составить представление об образе жизни сельских пасторов и их прихожан в первой половине XVIII в.

Сохранившиеся документы свидетельствуют об индифферентном отношении монастырских властей к церковной жизни лично зависимого от них лютеранского населения вотчины. Мы видели, что основной причиной возникновения конфликтов являлось столкновение имущественных интересов пасторов и вотчинных владельцев, а также пасторов и крестьян.

Документы канцелярии Александро-Невского монастыря существенно дополняют материалы Синодального архива по вопросу о практике заполнения вакантных пасторских и церковнослужительских мест сельских приходов Выборгской провинции. На основании этих документов можно утверждать, что в результате передачи дел о назначении лютеранских духовных лиц из Синода в Выборгскую консисторию и Юстиц-коллегию лифляндских и эстляндских дел прихожане, по существу, утратили возможность самостоятельного избрания пасторов.

Кроме того, документы, отложившиеся в фонде канцелярии Александро-Невской лавры, позволили определить даты жизни и службы пасторов, узнать о сложившихся приходских традициях и принципах подбора духовенства; выяснить ранее неизвестные даты постройки церковью Сердобольского и Имбилакского приходов.

Эти документы также могут служить источником по истории Выборгской губернии.

¹ Соловьева Г.Ф. Материалы архива Святейшего Синода как источник по истории лютеранских приходов Северо-Запада России 20–30-х гг. XVIII в. // *Историография и источниковедение отечественной истории: сб. науч. ст.* СПб., 2003. Вып. 3. С. 274–285.

² Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь в Петербурге стал именоваться лаврой с 1797 г.

³ *Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве.* СПб., 1910. Отд. I. Т. II: 1725–1733 гг.

⁴ В фонде Александро-Невской лавры обнаружен список с указа и ведомости, составленной на основании данных переписной ревизионной книги 1728 и 1729 гг. (РГИА. Ф. 815. Оп. 4–1737 г. Д. 164. Л. 17).

⁵ Монастыри составляли особую корпорацию, имевшую свою организацию внутреннего управления. В каждом монастыре была своя власть, которая получала назначение от правительства. Во главе Александро-Невского монастыря стоял архимандрит; монастырские дела решались советом Духовного собора, в состав которого входила старшая братия с наместником.

⁶ *Гиттинг А.И.* Нева и Ниеншанц. СПб., 1909. Ч. 2. С. 227.

⁷ РГИА. Ф. 815. Оп. 4–1733 г. Д. 1. Л. 1–1 об.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 6 об.

¹⁰ Там же. Л. 14 об.

¹¹ Там же. Л. 16–16 об.

¹² Там же. Л. 22–22 об.

¹³ К. Урсинус (1739–1749), Х. Ньюбер (1749–1754), И. Сальмениус (1754–1764).

¹⁴ И. Гофрен (1749–1753), С. Алопеус (1755–1793).

¹⁵ РГИА. Ф. 815. Оп. 4–1733 г. Д. 1. Л. 68–68 об.

¹⁶ Там же. Оп. 5–1748 г. Д. 102. Л. 1–2.

¹⁷ Там же. Л. 4 об.

¹⁸ Там же. Л. 40–40 об.

¹⁹ Там же. Л. 40 об.

²⁰ Там же. Оп. 4–1733 г. Д. 1. Л. 33–33 об.

²¹ Там же. Л. 37 об.

²² Там же. Л. 45–47.

²³ Там же. Л. 47.

²⁴ Там же. Л. 43.

²⁵ Там же. Оп. 4–1732 г. Д. 35; Оп. 4–1733 г. Д. 1. Л. 55–55 об.

²⁶ Там же. Оп. 5–1748 г. Д. 102. Л. 1–2.

²⁷ Там же. Оп. 4–1733. Д. 1. Л. 49–50.

²⁸ Там же. Оп. 4–1737 г. Д. 146.

²⁹ Там же. Л. 12.